

*И в целом мире
одинокы мы....*

*Светлана
Гагарина*

Светлана Гагарина

И в целом мире одиноки мы

«Accent Graphics communications»

2014

Гагарина С.

И в целом мире одиноки мы / С. Гагарина — «Accent Graphics communications», 2014

Жизнь, которую мы проживаем по-разному, заканчивается одинаково.

© Гагарина С., 2014
© Accent Graphics
communications, 2014

Содержание

1	6
2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Светлана Гагарина

И в целом мире одиноки мы

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Наступила весна.

Дни становятся всё длиннее. И с каждым днём всё сильнее пригревает солнце. Всё громче и веселее поют птицы. Снег тает, и сугробы, уменьшаясь в размерах, сверху покрываются жёсткой коркой. Ветерок слегка колышет прошлогоднюю сухую траву. На проталинах из-под снега пробиваются первые подснежники, освежая своим видом всё вокруг и вдыхая в окружающую природу энергию жизни, силы и уверенности. Радость переполняет изнутри. Всё вокруг излучает надежду и веру в будущее. Тепло и спокойно.

Здесь тепло и спокойно. Но это только здесь так хорошо.

1

Ирина проживала со своим отцом уже давно. После смерти матери она так и не смогла принять ни одну из чужих женщин, с которыми пытался познакомить её отец. Он приводил их в дом, пытаясь устроить свою собственную жизнь. На этой почве не раз возникали скандалы, Ирина убегала из дома к подруге. Родители подруги недолюбливали Ирину и были против её присутствия, поэтому, когда они не пускали её к себе, она пряталась в подвале. В скором времени отец перестал приводить женщин в квартиру и знакомить с дочерью. Он знакомился с ними и встречался вне дома. Почти все из его любовниц пытались привести их отношения к чему-то серьёзному, но Игорь Петрович старался этого избегать, зная, что из этого ничего не получится. Дочь никогда бы не приняла ни одну из них. Спустя какое-то время, отец вовсе перестал встречаться с женщинами, погрузился в работу и ушёл в себя.

Работал он руководителем промышленного предприятия, которое переживало застой и кризис. Работа Игоря Петровича совсем выматывала его как морально, так и физически. Он стал нервным, вспыльчивым, часто срывался на дочери. От этого их отношения вконец испортились. И они практически перестали общаться. Каждый из них жил собственной жизнью в унылой малогабаритной двухкомнатной квартире.

Игорь Петрович рано поседел. В свои пятьдесят два года он выглядел семидесятилетним стариком. Проблемы на работе, давняя смерть любимой жены, непонимание со стороны дочери – всё это оставило отпечаток на его внешности, характере, поведении и образе жизни. Он совсем закрылся от посторонних людей, стал молчаливым и озлобленным. Он не мог больше в таком состоянии управлять и так уже разваливающейся на части организацией и уволился. До пенсии оставалось целых три года, поэтому ему пришлось жить только лишь на свои небольшие накопления.

Вскоре он превратился в унылого старика, без повода раздражался по всяким пустякам, почти не выходил из дома и часто пытался влезть своими маразматическими советами в жизнь дочери. Отчего в этой двухкомнатной квартире часто возникали ругань и скандалы. Игорь Петрович при очередных ссорах с дочерью сильно нервничал и трясся всем телом. Его лицо покрывалось пурпурными пятнами, глаза наливались кровью, и, казалось, его вот-вот хватит инсульт. А Ирина, не выдерживая нападков со стороны своего старого отца, часто уходила из дома, хлопая дверью. Ей жутко надоедали вопли и придиричivéые, исступленные покушения на её жизнь, и Ирина всерьёз подумывала уйти из дома и начать своё собственное существование.

Но ей некуда было идти. Родители подруги, куда часто приходила Ирина, убегая от домашних проблем, как-то раз, тактично попросили больше не приходиться и не впутывать их дочь Ксению в её заботы. Это и послужило причиной разрыва и без того натянутых дружеских отношений с единственной подругой. Ксения в последнее время и сама пыталась уходить от надоевших ей разговоров о жизни Ирины и старалась свести их встречи до минимума. К тому же, социальный статус не уравнивал их позиции в обществе. Ирина, простая девушка из бедной семьи, учившаяся на последнем курсе медицинского факультета, не могла правильно и красиво вписаться в обеспеченную и полноценную семью своей подруги. В детстве разница в социальном статусе не так сильно была ощутима, как это наблюдалось теперь, во взрослой жизни. Дружба прервалась как по взмаху волшебной палочки. Поначалу Ирина переживала потерю подруги, потом решила, что это рано или поздно должно было случиться. И через пару месяцев перестала даже о ней вспоминать.

Положение с финансами было довольно плачевное. Средств, чтобы купить или снимать квартиру, не было. При очередных скандалах оставалось лишь уходить на улицу или в подвал. Там Ирина чувствовала себя хоть немного, но защищённой от домашней рутины и нападков отца. И всё же... одиночество преследовало её по пятам. Она чувствовала себя угнетённой,

разбитой и подавленной. Она считала свою жизнь бесполезной для себя и общества. Ей не к кому даже было обратиться за помощью. Не было никого, кто мог бы её выслушать, помочь, поддержать.

День за днём наматывались в один большой ком нервов.

С утра Ирина училась, а вечером, зарабатывая себе на хлеб, подрабатывала продавцом в ночном ларьке со жвачками, сигаретами, леденцами, чипсами и прочей мелкой ерундой. Времени на сон и на подготовку к занятиям оставалось мало. Ирина постоянно чувствовала себя уставшей, недосыпала, от этого ещё больше раздражалась. Но бросить учёбу или подработку она не могла. Диплом она должна была получить обязательно, чтобы устроиться на работу в медицинское учреждение, а подработка помогала хоть как-то прокормиться.

На учёбе Ирина старалась вникать во всё, слушала преподавателей внимательно, выполняла все задания и поручения. На анатомических практиках без эмоций обследовала и резала трупы. Она не хотела тратить драгоценное время на ахи и вздохи и морщиться от вида вскрытых тел, как это делали другие её сокурсницы. Каждую проведённую минуту в университете она посвящала именно образованию, обучению и совершенствованию своих навыков.

Сейчас, на последнем курсе, она была одной из лучших студенток и была уверена, что без труда найдёт себе работу в главном городском морге. О личной жизни Ирина старалась не думать. Конечно, она видела, как её однокурсницы крутят несерьёзные и быстропроходящие романы, как тусуются в различных клубах, ходят в кинотеатры и боулинги, но старалась смотреть на всё это совершенно безразличным взглядом. Нет, не потому, что ей этого не хотелось. Ей просто некогда было гулять вечерами под луной, целоваться на скамеечках и слушать романтические серенады. Поэтому она для себя решила – не обращать ни на кого и ни на что внимание, пропускать прелести жизни мимо и сосредоточиться только на образовании, которое откроет ей путь во взрослую жизнь и даст возможность достичь успехов.

Учёба, вечерняя подработка и пожилой отец со своими маразматическими взглядами на её жизнь – вот что сопровождало Ирину на протяжении нескольких лет, лет нудных и однообразных, наполненных ежедневными склоками, тяжёлым трудом, натянутыми нервами и монотонным одиночеством.

Ирина думала сейчас только о дипломе. Его она писала сама, просиживая часами в библиотеках, испытывая жуткий дефицит времени и сна. В ларёк она брала с собой маленький дешёвенький ноутбук, который купила на скопленные деньги по объявлению в газете, и копалась в интернете, ища необходимую информацию для написания диплома в те немногочисленные минуты, когда в ночном ларьке не было покупателей.

В один из поздних вечеров, когда Ирина заканчивала свою работу, подошёл один из таких покупателей.

– Пачку «Бонда» синего, – пьяным голосом произнёс этот покупатель и небрежно бросил смятые бумажные деньги в окошко ларька.

Ирина привыкла ко всему, работая здесь в столь позднее время, и даже не обратила на это внимание. Она взяла смятые купюры и просунула в окошко пачку сигарет.

– Тупые бабы вы все, – вновь произнёс пьяный покупатель, – сидишь тут, курица драная. Я тя щас тут, прям в этом ларьке зажму, поняла меня? – пьянчуга быстро очутился сбоку ларька и принялся бить с обратной стороны в дверь ногой.

Ирина испугалась. Она закрыла крышку своего дешёвенького ноутбука, встала со стула и принялась молча смотреть на дверь, откуда доносились ругань и мат пьяного покупателя. Сердце Ирины стучало всё громче, всё сильнее с каждым усиливающимся стуком грязных, тяжёлых, изрядно поношенных ботинок пьяницы о закрытую дверь ларька. Казалось, грязный звук с обратной стороны вот-вот ворвётся вовнутрь и раскроит её пополам. Было страшно. Ирина стояла и ждала. Ждала, когда же дверь поддастся ударам и откроется. Может, тогда наконец-то прекратятся мучительные дни в её жизни, и она будет беззаботно лежать в холодном

помещении, без чувств и эмоций, без сожалений и накопленных обид, под скальпелем какого-нибудь начинающего студента на практическом занятии одного из медицинских ВУЗов...

– Стоять! – кто-то закричал снаружи.

– Пошли вы все, уроды! – заорал в ответ сиплым голосом пьяный покупатель и, прекратив бить ботинками о дверь, побежал прочь.

В маленьком окошке Ирина заметила силуэты двух пробежавших мимо полицейских, которые патрулировали подземный переход и, заметив нарушителя, погнались вслед за ним.

Ирина молча села на стул. За пределами ларька воцарилась полуночная тишина. Почти никого. Изредка мог пройти запоздалый прохожий, топая своими башмаками о плитку подземного перехода. Внутренний страх затаился в каждой клетке Ирины, она чувствовала его, но не знала, что с этим делать. Она ощущала беспомощность и незащищенность. Еще раз, посмотрев на дверь и убедившись, что за ней никого нет, Ирина открыла крышку ноутбука. Но она не смогла сосредоточиться, буквы сливались и не несли никакой информации, и Ирина закрыла крышку. Она всё ещё переваривала произошедшую ситуацию. Что, если бы не было поблизости полицейских? Или дверь не выдержала бы мощных ударов пьяного человека?

– С вами всё в порядке? – неожиданно услышала Ирина голос в окошке. Она вздрогнула. Всё те же силуэты полицейских. – Мы не смогли его догнать. Скрылся, гад. Вам надо быть поосторожнее. Дверь цела?

Ирина встала со стула, подошла к двери и подергала её за ручку. Потом вновь подошла к своему стулу и села.

– Девушка? – ещё раз переспросил удивлённо один из полицейских, наклонился к окошку и глянул внутрь.

– Спасибо, дверь вроде в порядке, – ответила Ирина.

– Мы будем здесь, поблизости, если что. Вдруг вернётся. Будете уходить, оглядывайтесь по сторонам, – ответил полицейский и положил на прилавок у окошка мелочью шестьдесят пять рублей. – Будьте добры, пачку «Винстона».

Ирина взяла деньги и протянула в окошко пачку сигарет.

– Спасибо. Удачи, – произнёс один из полицейских, и оба скрылись в переходе.

И вновь в этой тишине Ирина задумалась. Об одиночестве. Она вслушивалась в тишину. И эта тишина сильно давила на неё и вызывала чувство некоего отчаяния.

Глянув на часы, Ирина увидела, что пора собираться домой и закрывать ларёк. Она ещё раз посмотрела на дверь. В любом случае, надо идти. Положив ноутбук в сумку, и закрыв кассу, она попыталась оглядеть окрестность в окошко ларька. Никого вокруг. Ирина подошла к двери и повернула ключ. Выглянув наружу, она увидела всё ту же пустоту и услышала всё ту же тишину. Быстро провернув ключом уже с обратной стороны, Ирина убедилась, что ларёк закрыт. И тут же она быстро зашагала в сторону дома.

Кроссовки бесшумно ступали по влажному асфальту. Вокруг свежо и прохладно, дышать легко и свободно, угар и дневную духоту на время смыли капли только что закончившегося дождя. Ирина шла быстро, почти бежала, боясь преследования ночного пьяного покупателя. Но вокруг почти никого не было, лишь изредка проезжали по дороге такси и запоздалые автобусы.

Ирина почувствовала себя защищённой лишь после того, как зашла к себе в квартиру и закрыла входную дверь на два замка и цепочку. Она немного постояла, опершись спиной о дверь. Она всё ещё боялась преследования, поэтому, закрыв глаза и затаив дыхание, она вслушивалась в ночную задверную тишину. Никого. Лишь тиканье кухонных часов и стук ложки по тарелке. Отец не спал и что-то ел на кухне.

Услышав, что дочь пришла домой, Игорь Петрович попытался быстро встать, неуклюже опираясь на свою клюку. Ирина услышала приближающееся шорканье его тапок. Ей совсем не хотелось видеть его именно сейчас.

– Ирина! – старческим голосом и грозно закричал отец. – Ирина! Я, старый человек, еле хожу, ничего не вижу, – говорил он, чуть не задыхаясь, – я должен ходить в магазин? Спускаться по лестницам? Ты, неблагодарная, даже не купила картошки. Ты хочешь, чтобы я сдох здесь? Как последняя скотина? – Игорь Петрович покраснел от напряжения, его начало трясти от напрасно траченных им нервов. – Ты не приготовила мне еды! Чем мне питаться прикажешь? Чёрствым хлебом? И водой из-под крана?

– Но ты же сейчас что-то ел?

– Бурду ел! – продолжал хрипеть отец. – Из-за своего давления я не могу долго стоять! И готовить нормальную пищу!

Ирине совсем не хотелось сейчас разговаривать с отцом. Вернее, продолжать вступление в диалог в этом назревающем ночном конфликте. Она настолько устала, к тому же была всё ещё напугана недавним происшествием, что отец со своими нескончаемыми претензиями только разозлил ещё больше. Ей было стыдно за то, что сейчас, в полной ночной тишине соседи как всегда будут слышать очередную ругань. И потом всю неделю шептаться всем подъездом о произошедшем и с укором смотреть в её сторону. Ирина хотела избежать участия в скандале и попыталась прошмыгнуть в свою комнату, чтобы закрыться там и спрятаться под одеяло, накрывшись подушками, и не слышать больше ни единого слова своего отца.

– Неблагодарная! – продолжал сокрушаться Игорь Петрович. – Я для тебя всю жизнь прожил! Всё делал для тебя! А ты для меня даже супа сварить не можешь! – и он попытался даже ударить Ирину своей клюкой.

Ирина закрылась руками. Сумка с дешёвеньким ноутбуком внутри с грохотом упала на пол. Клюка больно ударила её по пальцам левой руки. Это была последняя капля.

– Как ты мне надоел! – взорвалась Ирина. – Надоел! Надоел! Надоел! – кричала она, больше не стесняясь быть услышанной соседями. – Я хочу к маме! К моей мамочке! – уже плакала Ирина. – Я не могу больше тебя терпеть, не могу! – и Ирина, увернувшись от отца и его клюки, повернулась к двери и попыталась быстро открыть замки. Замешкавшись с цепочкой, она успела принять на спину ещё пару ударов клюки от своего отца. Сняв цепочку и открыв дверь, Ирина, захлёбываясь в слезах и рыданиях, утопая в море обиды и ненависти, понеслась вниз по лестнице и выбежала на улицу.

Тётка Машка, соседка, наблюдала происходящее через щель полуоткрытой двери. Она, как и все тётки в этом подъезде, сильно жалела, по их мнению, бедного и несчастного старика, и они осуждали при каждом удобном случае его самовольную и неблагодарную дочку. И никто не хотел вдаваться в подробности жизни Ирины и Игоря Петровича. Всё думали так, как думали, и не хотели думать иначе.

Ирина шла по пустынной ночной улице, вытирая ладонями нескончаемо текущие слёзы. Она просто шла. Сама не зная куда, зачем; и что будет потом – в данный момент её совсем не интересовало. Тяжёлый груз давних сложных взаимоотношений давил на неё, съедал изнутри, грыз её и без того потрёпанную душу.

Ирина увидела автобусную остановку. Начинал накрапывать дождь, поэтому она спряталась под козырьком. Сев на лавку, она задумалась. Продолжать жить такой же жизнью ей совсем не хотелось. Возвращаться домой тоже не было желания. Она чувствовала полнейшую опустошённость. Отчаянье. Одиночество.

Будь мама жива, такого бы с ней не случилось... Да, об этом Ирина думала постоянно. Она часто смотрела на мамины старые фотографии. Раз за разом, она перелистывала альбомы и, прикасаясь пальцами к её изображениям, грустила и мысленно будто обнимала её. Одну из маминых фотографий она всегда носила с собой. Маленькая, она всегда лежала в Ирином кошелёчке. Вот и сейчас, Ирина достала свой кошелёк, открыла его, и оттуда на неё, прямо из фотографии, улыбалась мама. Ирина заплакала ещё сильнее.

Дождь усилился и зашумел, нарушив ночную городскую тишину.

Немного успокоившись, Ирина закрыла кошелёк и положила его обратно в карман. Потом она, сидя на лавке, несколько минут смотрела на дорогу, по которой текли ручьи, образующиеся от падающих крупных капель дождя.

Неожиданно начавшись, дождь так же неожиданно закончился, оставив после себя мокрый асфальт, лужи, свежесть и ночную прохладу. Ирина сидела на этой одинокой пустой остановке, кутаясь в своей ветровке от веявшей прохлады. Она подняла голову и посмотрела на крышу остановки, с которой стекали последние дождевые капли.

2

В соседней деревушке, в часе езды от города проживала баба Люба. Жила она одна.

Муж бабы Любы, ветеран Великой отечественной, умер четыре года назад. Похоронив его, она долго переживала, плакала. Но слезами горю не поможешь, человека не воскресишь. Она продолжила вести хозяйство, как и раньше. А как иначе? Иначе не прокормиться. Без Пал Иваныча, конечно, ей было тяжело. Помочь было некому.

Дочка Надя жила в городе, с семьёй, навещала мать довольно редко. Баба Люба свыклаась с мыслью, что у дочери есть самая важная работа, где она была просто незаменима, будто без неё вся работа встанет, и организация развалится на части. Надя никак не могла выкроить в своём напряжённом графике хоть немного времени, чтобы потратить час-другой на дорогу к матери в деревню и навестить её.

Внуки почти не видели свою бабушку и даже иногда забывали, как её зовут. А мужу Нади, Степану, вовсе были не интересны ни деревня с её бездорожьем, ни эта бабулька, являющаяся его тещей. Степан вообще был супер занятым человеком. В его адвокатской деятельности не было ни минуты свободного времени. Домой приходил поздно, постоянно по работе кто-то названивал, на столе росли нескончаемые кипы бумаг из дел клиентов... Всё это было неотъемлемой частью жизни Степана. На детей и жену не хватало ни сил, ни того же времени.

Надя часто обижалась, высказывала ему по ночам или ранними утрами, когда он торопился на работу, о том, что ей не хватает мужского тепла и ласки, а детям заботы отца. В ответ она лишь слышала, что такому кормильцу в семье, как он, она могла бы делать поблажки и довольствоваться тем, что есть. Он постоянно твердил о том, что она тратит его, не без большого труда заработанные деньги, и может позволить себе сходить в кинотеатр или кафе в то время, как он пашет на поприще правосудия. Надя, конечно же, отвечала ему, что она тоже много работает, к тому же ещё и занимается детьми и нескончаемыми домашними хлопотами. Но Степан был уверен в своей правоте и не придавал никакого значения словам жены, утверждая, что Надя сильно преувеличивает свою роль в жизни семьи и пытается вызвать у него жалость. Из-за всего этого Надя постоянно находилась в унылом и подавленном состоянии. Частые скандалы, сексуальная неудовлетворённость, одиночество – всё это вызывало упадок сил и пребывание в плохом настроении, что сказывалось на детях. Бывало, она на них беспричинно кричала, взрывалась, частенько шлёпала и наказывала.

В этой суматохе монотонно проходивших серых дней, в течение которых не было ни намёка на просвет, у Нади не возникало ни малейшего желания ехать в какую-то, богом забытую деревню.

День бабы Любы начинался в пять утра. Надо было успеть и коровок подоить, а потом отогнать их в стадо к пастуху, и свинкам корма насыпать, и водички свежей подлить, и курочкам принести травки зелёной да пшеница побольше, чтобы яички сносили покрупнее да почаще. Да, хлопот с утра хватало.

Ближе к полудню баба Люба сажала рассаду, поливала растения, полола сорняки. Делала она это потихоньку, не спеша. Здоровье уже было не то, что прежде. Нагибаться было тяжело, кружилась голова. Ещё и давление мучило, и кашель, и глаза плохо видели. Бывало, поработает старушка немного, ан нет-нет, да и сядет под грушу раскидистую в теньке отдыхать, отдышаться не может, пот со лба тряпочкой вытирает. А как жажда замучает, так зайдет в сарай и из бидона наберёт помятым от времени алюминиевым ковшиком прохладной водички и жадно пьёт, прицмакивая почти беззубым ртом.

Днём, когда солнышко совсем уж начинало пригревать, баба Люба шла отдыхать. Домик её покосился от времени, имел накренившуюся крышу, крытую потрескавшимся шифером, поросшую жёлто-зелёным мхом. За долгие годы на эту крышу ветра надули немного песка,

который спрессовался и навсегда застыл между волнами шифера. В этот спрессованный песок попали семена различных сорняков, надуваемые тем же ветром. Смачиваемые частыми моросившими дождями, семена прорастали прямо на крыше, образуя некрасивые клочки бесполезного сухостоя. Стекла некоторых окон треснули, рамы состарились, краска на рамах выцвела и растрескалась.

Рядом с домиком стояла такая же покосившаяся и состарившаяся от времени летняя кухонька с обугленной газовой плитой. Здесь-то и пряталась от полуденного солнца баба Люба. Она ложилась на свою засаленную старую кресло-кровать, включала старенький вентилятор и дремала. Часов около пяти вечера, когда дневная жара начинала спадать, баба Люба пила чай с мятой вприкуску с простым печеньем, макая это самое печенье в чай. Оно размягчалось и свободно таяло в её полу беззубом рту.

Вечером утренние хлопоты повторялись в обратном порядке. Баба Люба собирала в курятнике снесённые за день курами яйца, наливала всей живности свежей воды, сыпала корм, встречала коров, которые сами знали дорогу домой, к своему двору. Баба Люба отворяла дряхлые, скрипящие ворота на заднем дворе и впускала своих любимых коровушек. При этом она с ними ласково разговаривала, спрашивала у них, как они провели день на пастбище, хорошо ли кушали, вкусна ли была травка. Коровы будто понимали её и мычали в ответ. И баба Люба, посмеиваясь, чесала им лоб, а коровы лизали её пальцы и ладони своими длинными шершавыми языками, радуясь встрече со своей хозяйкой. К тому же, вымя их за весь день наполнялось молоком, и это приносило коровам неудобство и болезненные ощущения. И коровы знали, что баба Люба сейчас, как и каждый вечер, начисто вымоет руки, начисто вымоет их вымя, возьмёт ведро и сдоит всё молоко, тем самым принесёт коровам большое облегчение. А молоко-то какое! Парное, свежее, тёплое, пенистое, пахнет свежим лугом и зелёной травой.

Процедив молоко через марлю, баба Люба разливала его в трёхлитровые банки, закрывала пластиковыми крышками и ставила банки в прохладный сарай.

Каждое утро, в семь часов, после того, как она покормит птицу и домашний скот и отгонит коров пастуху, она ставила банки в самодельную тележку и везла на местный рынок. Из соседней деревни, той, что покрупнее, приезжал мужчина, предприниматель. Он скупал у местных старожил свежее молоко почти за бесценок и возил его продавать в город, на чём неплохо зарабатывал. Бабе Любе, как и остальным жителям, отдающим своё, тяжким трудом полученное молоко почти даром, не оставалось другого выхода. На местном рынке всё равно никто, кроме этого предпринимателя, их молоко не покупал, так как почти в каждом дворе были свои и коровы, и козы. Поэтому все трудяги довольствовались тем, что есть. Полученные от продажи молока деньги, эти жалкие копейки, баба Люба копила и бережно хранила в старинном серванте в жестяной банке от растворимого кофе. Кладя денежки в банку, она приговаривала:

– Доченьке моей, да внучкам в помощь. А как же, помочь же надо. Им там совсем, наверное, туго.

Кое-какие средства она также выручала от продажи на местном рынке яиц, курятины, поросят. Всё это также забирали, в основном, перекупщики в три-четыре раза дешевле, чем стоили эти продукты на рынках больших городов. И почти все эти деньги она тратила на покупку корма для скота и птицы. С каждым годом корм всё дорожал, поэтому становилось всё невыгоднее держать скотину. Да и тяжёл был этот труд для старенькой, совсем одинокой бабушки. Она понимала, что здоровье уже далеко не то, что раньше. И баба Люба решила продать почти всю скотину и оставить несколько курочек-несушек, да одну коровку, чтобы хоть яички были свои и молочко свежее. Жалко бабе Любе было, конечно, коров, свиней да петухов. А что делать оставалось? Не потянуть ей сейчас это большое хозяйство.

Через неделю двор почти опустел. Хлопот поубавилось. Но почему-то так тяжело было на душе у бабы Любы. Такой одинокой она себя почувствовала.

День за днём тянулись однообразно и медленно. Но куда старушке было торопиться? Рассада на её огородах взошла крепкими зелёными растениями, обещая хороший урожай. Его баба Люба так же, как и в предыдущие года, соберёт и отнесёт за бесценок скупщикам, а вырученные копейки так же бережно положит в жестяную коробку.

Как-то вечером баба Люба вышла во двор. Смеркалось, пели сверчки, небо было усыпано мелкими алмазами сверкающих звёзд, тихо дул прохладный ветерок, шурша листьями в таких же, как и баба Люба, древних груше и двух яблонях. Старушка надела носки, штопанные раз двадцать, галоши и зашаркала к курятнику. Своим курочкам она включила ночную лампу с тусклым светом, ещё раз проверила во всех углах и мягких подстилках – нет ли в них яиц, и закрыла дряхлую дверцу курятника на щеколду. Курочки немного покудахтали и вскоре замолкли.

Затем старушка подошла к коровнику. Марта стояла около корыта с водой, смотрела в пол, лениво обмахивалась хвостом и медленно пережёвывала какую-то былинку. Завидев хозяйку, Марта так же медленно повернула к ней голову, протяжно замычала и опять продолжила жевать свою былинку и смотреть в пол.

– Засыпай, Мартушка, засыпай, – бормотала баба Люба. – Завтра ранёхонько встать.

Но корова продолжала стоять около корыта с водой, жевать и обмахиваться хвостом.

– А я вот пойду, положу голову на подушку, – продолжила бормотать баба Люба. – Совсем уж я устала. Ох, устала, – и она зашаркала своими галошами обратно в дом.

Неожиданно из покосившегося сарая донёлся странный звук. Будто что-то упало.

– Ой, да что же это, – заволновалась баба Люба и зашагала в сарай. Включив свет, она увидела, что алюминиевый ковш упал с бидона и лежит на грязном полу. Кряхтя, старушка нагнулась и подняла его. Тут она услышала какое-то шуршание совсем рядом. Баба Люба подняла глаза и увидела кошку. Это была совсем чужая кошка. Видимо, она пробралась через приоткрытую дверь сарая, прыгнула на бидон с водой, тем самым опрокинув ковшик, и взобралась на пустые мешки, лежащие поверх пустых самодельных ёмкостей для корма скота.

– Вот те раз, – удивилась баба Люба. – Кошка. Ты отколь пришла-то?

Но кошка испуганно прижалась к мешкам и неподвижно смотрела на старушку большими жёлтыми глазами.

– Кысь, кысь, кысь, – позвала кошку баба Люба, но та продолжала лишь испуганно и неподвижно на неё смотреть.

– Ну, раз пришла, я тебе молочка сейчас налью, – сказала баба Люба и вышла из сарая. Она отлила в глубокое блюдце из ведра немного молока, приготовленного на утреннюю продажу, отломил небольшой ломоть хлеба и понесла всё это в сарай. Кошка всё ещё сидела на мешках и настороженно смотрела.

– Вот тебе молочка, – сказал баба Люба, ставя блюдце на пол. – А вот хлебушек, – и она накрошила хлеб в молоко.

Кошка не двигалась.

– Боишься меня что ль? Ну, ладно, ладно. Спи здесь, ежели негде больше. Вот, покушай. А я уж пойду. Пойду, голову положу на подушку. Устала больно за весь день, – говорила баба Люба кошке. А кошка внимательно следила за каждым её движением и не шевелилась.

Баба Люба поняла, что от кошки ей не добиться ответа, поэтому она оставила её в покое своими расспросами, повернулась и ушла в дом спать.

Ранним утром, отогнав корову пастуху, напоив и накормив курочек, баба Люба решила заглянуть в сарай. Блюдце оказалось пустое. Кошка начисто его вылизала. Она вылакала всё молоко и съела весь хлеб, до последней крошки. Казалось, что кошка совсем не спала, потому что она так же настороженно, вытаращив большие жёлтые глаза, смотрела на старушку, как и прошлым вечером.

– Вот те раз, – воскликнула баба Люба. – Отколь ты пришла, заблудшая? – баба Люба осторожно приблизилась к кошке. А та в ответ взъерошила шерсть на спине, ещё больше выпучила глаза и легонько зашипела.

– Полноте, – сказала баба Люба, – полно. Пришла ко мне, ещё и шипишь? Ай-яй, деловая! – и баба Люба приблизила руку к кошке, чтобы погладить. Кошка пристально следила за рукой, но позволила себя погладить. Баба Люба гладила кошку по голове и спине, водя руку медленно, бережно по короткой, но густой шерсти. Шерсть от испуга всё ещё была взъерошена, и кошка была похожа на мягкий округлый одуванчик.

– Хорошая, – приговаривала баба Люба, – хорошая кошка. Ну, как звать тебя, как величать?

Кошка уже успокоилась, шерсть пригладилась, жёлтые глаза прикрылись от удовольствия.

– Буду тебя Марфой звать. Марфа, Марфа, – и старушка заулыбалась, глядя доселе ей незнакомое животное.

С тех пор кошка Марфа прижилась в этом дряхлом, убогом дворе. Баба Люба рада была этому комку шерсти, который встречал её каждое раннее утро, провожал со двора, когда она прогоняла корову на пастбище, вбегал в курятник и глядел, как она ухаживает за курами, сидел в теньке старой груши рядышком, когда она отдыхала в перерывах между прополкой и поливкой грядок.

Так и начали жить вместе Марфа да баба Люба. Кошка скрашивала одинокие дни старой женщины.

Раньше, когда ещё Пал Иваныч был жив, во дворе жило много разных кошек и котов в разные периоды времени. Но они были не ручные, почти дикие, всегда бегали там, где им вздумается, пропадали в чужих дворах. Поэтому жили они обычно недолго. То наедались в соседних сараях какой-нибудь еды, перемешанной с отравой, предназначенной для крыс, и умирали, то крали белоснежных голубей на крошечной голубятне дядьки Васьки – и за это дядька Васька ловил их и душил собственными руками, то коты сами гибли от неизвестных болезней.

Вот теперь, когда баба Люба приютила у себя такую ласковую замечательную кошечку, она уже боялась, что и Марфа исчезнет в каком-нибудь чужом дворе или отравится приманкой для крыс в каком-нибудь чужом сарае. Поэтому баба Люба всегда пускала кошку в дом, где та спала на приготовленном специально для неё пуховом одеяльце на соседней кровати. На той кровати, где спал раньше Пал Иваныч, царствие ему небесное... Часто кошка переходила ночью со своего одеяла и ложилась клубочком в ногах своей хозяйки. Ещё она очень любила ластиться, любила, когда старушка чесала её мягкий живот, гладила по голове и спине своими морщинистыми и шершавыми ладонями. И Марфе было абсолютно всё равно, какими ладонями гладила её хозяйка. Самое важное было то, что эти ладони были для неё самими добрыми и ласковыми ладонями самой добродушной и родной хозяйки на свете.

Около печки всегда стояли две железные миски для еды и ещё одна, поглубже, для молока с хлебом. А воду кошка пила из железного ведра, всегда стоявшего около той же печки. Баба Люба тоже пила оттуда воду, черпая её железной кружкой, и всегда следила за тем, чтобы ведро было полное.

Прошёл год. Баба Люба уже не могла представить себе жизни без своей Марфы. В тёплые дни кошка радовала её своей игривостью и любознательностью, а зимой согревала своим кошачьим теплом и намурлыкивала кошачьи песни. Баба Люба уже не чувствовала себя одинокой и брошенной всеми, напротив, она ощущала свою значимость и свою важность в жизни своего животного друга. И ни разу она не задумалась, да и не хотела думать, откуда же пришла к ней Марфа, как он появилась в её сарае. Откуда бы ни пришла, откуда бы ни появилась – Марфа оставалась рядом и не собиралась никуда уходить.

На следующий год, весной, баба Люба, как и всегда, высадила рассаду, поливала грядки и полола сорняки. Ей стало совсем плохо, и она присела под старой грушей отдохнуть. Марфа тут как тут прибежала и начала тереться около её ног, подняв вверх хвост и тихонько урча, будто спрашивала: «Что случилось?».

– Ох, Марфушка, что-то дурно мне, кабы уж не помереть, а то и не заметит никто. Одна ты будешь знать, да только никому и сказать не сможешь о бедной бабке, – будто отвечая на вопрос, тяжело дыша, сказала баба Люба. – И внучков-то жалко как. Не позволяют им родители ездить ко мне. А может, и некогда им. Господь их знает... – продолжала говорить старушка. – Хотелось бы повидаться с внуками. Да денежек им отдать. Скопила чуток бабка. Молочко продавала, яички да мяско. Может, у них велосипеда нет или сапожек резиновых, или ещё чего.

Тут баба Люба с трудом поднялась и побрела к сараю попить воды. Дело шло к полудню. Становилось душно. Марфа побежала за хозяйкой, выпрашивая водички. Баба Люба зачерпнула из бидона прохладной воды мятым старым ковшом, налила кошке в миску. Марфа жадно залакала воду своим розовым языком. И сама старушка прямо из ковша долго пила прохладную воду небольшими глотками, часто останавливаясь и тяжело дыша. Совсем уж плохо себя чувствовала баба Люба в последнее время.

Прошла весна, наступило лето. День становился всё длиннее, солнце припекало всё жарче. Старушка всё чаще отдыхала в доме. Ставни дома всегда были закрыты, чтобы хоть как-то сохранить прохладу. Бросив на пол сюртук, она лежала на нём. Так было прохладнее, чем на кровати. Марфа в последнее время зачастила убежать из дома, оставляя в одиночестве и без того одинокую хозяйку. Баба Люба даже начала делать ей замечания, когда та прибегала откуда-то вся пыльная или даже с паутиной на усах.

– Марфушка, не к женихам ли ты бегаешь? – спрашивала баба Люба у кошки. – Ох уж эти женихи. Замучили тебя, наверно. Всё тебе дома не сидится, неймётся, – на что кошка смотрела на хозяйку своими большими желтыми глазами и тёрлась всем телом о её ноги, при этом мурлыча, будто заглаживая свою вину.

В начале лета у бабы Любы был день рождения. Но она его уже давно не праздновала. Не с кем было праздновать. Дочь с семьёй её редко поздравляли, а в последние годы и вовсе об этом забывали. Вот и сейчас. Баба Люба сидела в тени своей старой раскидистой груши и вспоминала былые годы, когда дочка с внуками приезжали и привозили ей вкусный торт и свежую колбасу к празднику. Но это было так давно... Всё ещё надеясь на внимание к себе, она, кряхтя, встала со своей старенькой табуреточки с облупившейся краской и подошла, шаркая тапками, к почтовому ящику. Она заглянула в него, но увидела лишь паутину и бегавшего по паутине маленького паучка. Старушка надеялась увидеть в этом ящике хотя бы красочную открытку ко дню своего рождения. Но, увы, как и в прошлом, и позапрошлом году там было пусто.

– Забыли, наверно, дети. Ну, ничего. Это ничего, у них дела и поважнее есть. Ничего страшного, – и старушка, так же охая от жары и усталости и шаркая тапками, вернулась в тень старой груши.

Вечером баба Люба достала из старого серванта поблёкший от времени альбом со старыми чёрно-белыми фотографиями. Лист за листом она переворачивала страницы и глядела на эти, приклеенные к страницам фотографии.

– Марфа, иди-ка сюда, кысь-кысь, – позвала кошку баба Люба. Марфа спрыгнула со своего пухового одеяла и подбежала к хозяйке, не понимая, для чего она её позвала и нарушила её вечерний отдых.

– Глянь-ка, Марфа! Вишь, это я, – и баба Люба заулыбалась своим почти беззубым ртом. – Какая молодая была, – со старой блёклой фотографии на бабу Любу смотрела молодая красивая девушка. Такой она была в молодости. Жизнерадостная, весёлая, активная. – А это дочка моя, – ткнула пальцем старушка в другую фотографию, на которой стояла девочка, оде-

тая в искусственную шубку, шапку-ушанку, держащая санки и угрюмо смотрящая на снег. – Не любила Наденька в детстве фотографироваться, всегда была недовольная, – и баба Люба рассмеялась. – А вот мой Пал Иваныч. Как тебе там живётся-то. Уж скоро и я к тебе поспею, – взгрустнула старушка. – Марфа, иди же посмотри, – говорила кошке баба Люба, на что Марфа лишь обнюхала альбом, легла рядом с хозяйкой, перевернувшись на спину, и заурчала, прикрыв глаза. Ей было совсем не интересно смотреть на то, что было в альбоме. Да и не понимала она, что говорит ей баба Люба, она лишь знала, что если перевернётся на спину, то ей почешут живот и это доставит ей приятное удовольствие.

Вот так и прошёл вечер старой одинокой женщины: в воспоминаниях о былом, о прошлом, о том, что не возвратится никогда. А кошка лежала рядом, перевернувшись на спину и задрав лапы вверх, закрыв глаза, урчала от приятных почёсываний живота свои песенки.

Тут баба Люба заметила, что у Марфы округлился живот.

– Ах ты, распутница такая, – играючи укоряла кошку старушка. – И кого ты мне хочешь в подоле принести? Стара уж я, Марфа, кабы не померла я раньше времени, а то кому же за твоими детками ухаживать? – и баба Люба гладила и гладила свою Марфу.

Теперь она ещё больше стала заботиться о своей любимице, мыла её блюдца и миски, клала еду и наливала молочко только в чистую посудину, следила, чтобы Марфа всегда была у неё на виду.

Вскоре Марфа родила пятерых котят. Кошка окотилась в том самом сарае, где старушка её впервые нашла. На старых мешках. Марфа бережно вылизывала каждого из своих детёнышей. На что те беззвучно открывали свои крошечные рты и тыкали носом в живот матери, ища сосок.

Этому событию баба Люба, конечно, обрадовалась. Она постоянно в течение дня заходила в сарай и приглядывала за кошкой и её потомством. Котята через две недели окрепли, у них открылись глазки. Далеко от матери они не отходили. Когда баба Люба подходила навестить кошачью семью, она всегда говорила:

– Марфуша, можно ли мне твоих котяточек погладить? – на что Марфа совсем не возражала и лишь мурчала как трактор и лежала, щуря глаза от удовольствия. И старушка бережно поглаживала пушистые, ещё не окрепшие комочки шерсти, неустанно теребящие и мусолившие матерны соски, полные молока.

Баба Люба хотела забрать котят вместе с кошкой в дом. Она положила пушистые комки в корзинку и понесла. Котята жалобно и тонко мяукали, на что кошка с волнением побежала рядом с хозяйкой, путаясь в её ногах и громко мявкая. Баба Люба остановилась.

– Неужто не хочешь в дом? – спросила она кошку. Марфа беспокойно глядела на старушку и громко мяукала. Баба Люба поставила корзину на землю. Пушистые комочки лезли друг на друга, пытаются вылезти из корзины и найти мать. Кошка быстро встала лапами на корзину и, взяв одного котёнка зубами за шею, понесла обратно в сарай.

– Ладно, Марфа, ладно, – кряхтела старушка, улыбаясь, – хочешь быть в сарае, будь. Буду там за вами ухаживать. И кошка по очереди, одного за другим, перенесла всех котят обратно в сарай на старые мешки, где она опять разлеглась, давая возможность своим детёнышам добраться до её живота.

Недалеко от её полуразвалившегося дома жила баба Груша со своим нерадивым сыном Борисом. Боря в школе-то был вечным двоечником, еле-еле закончил девять классов, так и во взрослой жизни особым умом или какими-нибудь заслугами не отличался. Много пил, курил по две-три пачки сигарет в день – самых крепких и самых дешёвых. От постоянных запоев, да и вообще от своей никчёмной и бесцельной жизни Борис стал сухим, немного скрюченным человеком; обрюзгший, с корявыми пальцами и вечно грязными ногтями, не по годам морщинистым лицом и проплешиной на голове. Работал трактористом у местного фермера Валентина Гаврилыча, единственного человека в этой деревне, имевшего какой-никакой, но доход

от продажи урожая. А выращивал он арбузы и дыни. Дело это довольно тяжёлое, да и рисковое. На полив много воды надо, а если солнцепёк всё лето, да ещё и с водой напряжёнка, так вообще можно и прогореть. Арбузы воду любят. А без воды – какой урожай? Да ещё и этот пьяница, Борька. Часто напивался он по вечерам. А с утра на работу не выходил. И заменить его особо некем. В деревне почти одни старики живут. Один Борис умел трактором управлять. Но вот не повезло-то, нерадивый он работник. От этого Гаврилычу приходилось частенько свои дела бросать и самому в трактор залезать. А если совсем некогда ему было, так он во двор к бабе Груше заходил и руганью да матами Борьку на работу гнал. Бывало – получалось, а бывало – и нет. Смотря, сколько Борька выпивал самогонки накануне.

Баба Груша вот так с ним всю жизнь и мучается. Да что поделаешь, не изменится он никогда. На упрёки со стороны Валентина Гаврилыча и другого недовольного люда из этой деревни, кому успевал насолить Борька, она либо отмалчивалась и ничего не говорила, либо, если уж совсем доставали, пыталась и огрызнуться, сынок ведь всё-таки. По дому и во дворе Борис почти ничего не делал. Матери всё приходилось делать самой. И воду носить, и сажать, и огород поливать, и за скотиной ухаживать. А про готовку и уборку и говорить уж нечего. Всё сама.

Повадился Борька у соседей воровать. У кого яблок натаскает, у кого помидоров да огурцов насобирает, у кого курей наворует. А иногда и поросят крал, и даже коров уводил. И всё это он делал глубокой ночью, и ночью же почти за бесценок продавал приезжим спекулянтам. Были у него такие постоянные покупатели. Спекулянты эти специально заезжали по темноте в эту деревушку за украденным товаром. И так каждый раз с четверга на пятницу. Как раз перед выходными: и народу на рынках полно, и можно было приобретённое за копейки мясо продать на рынке за более высокую цену и получить немалый доход. Борьке же выручки от продажи ворованного хватало только на алкоголь и сигареты. А вот куса хлеба в дом ни разу не купил. Всё ложилось на материны плечи. Ту небольшую зарплату, которую платил ему Гаврилыч, и то умудрялся всю оставлять на дне бутылки, распивая самогонку со своими друзьями-алкоголиками.

И никто в деревне никак не мог разузнать, кто же это воровством занимается. Да и кто мог узнать, одни старики кругом. Ни полиции, ни колхоза, ни молодёжи. Нет никого, кто бы мог защитить старый люд.

В ту самую ночь, с четверга на пятницу, баба Люба плохо спала. Ворочалась с боку на бок. Наутро, не выспавшись, и совсем плохо себя чувствуя, баба Люба вышла во двор.

– Ой, что же это? – крикнула баба Люба. Старые ворота на заднем дворе были приоткрыты. Старушка засемила своими неуклюжими шажками к коровнику и ахнула. Коровник был пуст.

– Ой, украли, украли! – закричала баба Люба, а сердце у самой так и выпрыгивало из груди. – Помогите, люди добрые! – и баба Люба выбежала со двора через приоткрытые ворота.

Соседка, баба Пелагея, гнавшая свою корову на пастбище к пастуху, остановилась.

– Чего случилось, Люба? Чего кричишь?

А баба Люба, еле бежала, задыхалась от горя и слёз и кричала:

– Украли! Украли коровушку мою! Да за что мне это!

– Ой, Люба, Люба! Да не может быть?

– Да как же я без коровы, как без молочка-то! Мартушка моя! Да что ж за злыдень это сделал!

Долго причитала баба Люба. Многие соседи, деды да бабульки, гнавшие своих коров к пастуху, останавливались, слушали её причитания, сочувственно опускали голову перед бедной старушкой, но ничего поделать не могли. И гнали своих коров дальше. А баба Люба так и осталась стоять посреди узкого проезда в грязных галошах, корить вора и утирать краем затасканного платка, которым она всегда покрывала голову, градом лившиеся слёзы из тусклых глаз.

Баба Люба медленно, тяжело шаркая галошами, дошла до своих полуразвалившихся ворот на заднем дворе, ещё раз зашла в пустой коровник и, глядя на эту пугающую, бесконечную пустоту, там, где никто не попьёт водички из корытца, не съест сена со стоящего неподалёку стога, не взглянет на неё своими большими влажными глазами, жуя былинку, и не замычит в ответ на доброе слово.

– На кого ж ты меня покинула, Марта, – совсем тихонько запричитала баба Люба, утирая слёзы краем платка.

Она вышла из коровника. Совсем уж тихо было в курятнике. Старушка отворила дверцу курятника, вошла туда и ахнула. Ни одной курицы не сидело на насесте. И тишина кругом. Баба Люба схватилась за сердце, заохала, кое-как вышла из курятника, опираясь за его гнилые доски. Ей показалось, что она перестала дышать и даже готова была прямо тут умереть. Дойдя по узенькой тропке к сараю и держась за сердце, баба Люба начала звать кошку тихим, прерывающимся голосом:

– Кысь-кысь... Кысь-кысь... Марфа, Марфушка, кошечка моя. Поди ко мне, милая, где ты, не вижу тебя...

На мешках лежала кошка, неподвижно, высунув язык. Жёлтые глаза потускнели и остекленели. Рядом, в ведре с водой, откуда любила пить кошка, на дне лежали утопленные котята. Они все вместе были связаны вокруг животов тонкой верёвкой, к которой был ещё привязан булыжник. Два беленьких с тёмными пятнышками, и два сереньких мёртвых пушистых комочка проглядывались сквозь водную гладь.

Баба Люба, увидев всё это, почувствовала сильную резь в груди и невыносимую тяжесть на душе.

И умерла.

Она упала прямо на ведро с водой. Вода из ведра вылилась, и котят вынесло бы вместе с водой на земляной пол рядом со старушкой, но булыжник крепко держал их на привязи подле себя, на дне ведра.

Неизвестно, сколько бы так пролежала баба Люба, но сосед, дед Арсений, услышав про кражу, решил навестить одинокую старушку и посочувствовать. Да и просто поговорить. Около месяца назад его тоже обокрали, только свинью увели. И он решил развить эту тему с соседкой. Дед несколько минут околачивался около калитки, звал бабу Любу, глядел через забор, но никто не отзывался, и никого во дворе не было видно. Тогда дед Арсений решил сам войти, без приглашения. Он вообще был сам по себе странный. Ходил с палочкой, прихрамывая на левую ногу, в вытянутых льняных штанах и светлой поношенной рубахе. На голове его осталось совсем мало седых волос, но они смешно торчали в разные стороны и были вечно нечёсанные. Этот дед вообще любил поговорить. Частенько хаживал он по дворам и заходил в калитки без спроса. Но к этому жители деревушки давно привыкли и не обращали на это внимания. Наоборот, многие были рады скоротать однообразно тянущиеся трудовые дни за разговорами с дедом Арсением, у которого всегда было о чём поговорить или что спросить.

Вот и сейчас дед, шагая мелкими шажками и опираясь на палочку, вошёл во двор и направился напрямик во двор.

– Аркадьевна? – крикнул он своим старческим голосом. – Аркадьевна? Ты где? Иди, поговори со мной, Аркадьевна. У тебя, я слышал, тоже животину покрали? – но ему никто не отвечал. Дед дошоркал своими сильно поношенными ботинками до сарая.

– Люба! – ахнул дед, и сам чуть было не упал. Он увидел старушку, бездыханную, лежащую на мокрой земле полупустого тёмного сарая.

Из последних сил, опираясь на палочку трясущимися от жуткого волнения морщинистыми руками, он подошёл ближе и с большим трудом опустился на колени, склоняясь над телом. Он поднёс руку к лежащей старушке и осторожно потормошил её за локоть.

– Люба? Любава? Ты чего-то разлеглась?

Но баба Люба не двигалась.

Дед Арсений повернул голову и медленно, с опаской, прислонился ухом к её лицу.

– Неужто померла? Люба? Ты померла что ли?

Тут дед увидел мокрые комки утопленных котят, перевязанных верёвкой, лежащих в ведре около булыжника.

– Матерь божья! – воскликнул дед. – И животину увели, и котят потопили. Изверги!

Дед попытался подняться. Так тяжело ему было, дряхлому.

– Изверги! – не уставал повторять дед Арсений, дрожа всем телом от страха от увиденной смерти и покраснев от усилий. – Проклятые!

Дед хотел было выйти из сарая, но услышал непонятное шуршание в глубине сарая. Он уж, было, подумал, что крысы сбегаются, чуя мертвечину. Дед попытался разглядеть в темноте того, кто шуршит, и уже было приготовился отгонять крыс своей палочкой. Но ничего не было видно. Но что-то всё же продолжало шуршать. Дед решил сам подойти и посмотреть. Опираясь дрожащей рукой на свою палку, он с усилием сделал несколько дряхлых шагов в своих до безобразия поношенных ботинках по направлению к доносящимся звукам. Дед почти вплотную подошёл к противоположной стене, остановился и стал прислушиваться. Шуршание доносилось из стоящей рядом, давно пустующей самодельной ёмкости для корма скота. Дед Арсений с опаской глянул внутрь её.

– Господь всемогущий! – воскликнул дед. На дне ёмкости копошился пушистый маленький комочек. Пятый котёнок Марфы, беленький, с тёмным пятнышком на боку. Он случайно упал в ёмкость.

В ночь кражи Борька был подвыпивший, впрочем, как и всегда. Никто и не помнил его ни маленьким, ни трезвым, даже его собственная мать. Ему хотелось не то веселья, не то просто от безделья – он решил что-нибудь продать. А чтобы что-нибудь продать, нужно что-нибудь украсть. У него не было ни гроша за душой, и вообще ничего у него не было. Лишь старая хата, построенная ещё его прадедом да несколько плодовых деревьев в саду, которые наполовину высохли и почти не плодоносили. Он знал, что с четверга на пятницу ему нужно хоть что-то украсть, чтобы подзаработать на пузырь бодяги. С вечера, заправившись самогонной дрянью, дождавшись, пока мать-старушка уснёт, он в ночной темноте по-тихому прокрался во двор к бабе Любе. Он тихонько приоткрыл старые ворота заднего двора. Ржавые петли на мгновение скрипнули и тут же замолкли. Борька от испуга быть замеченным приостановился, но этот скрип никто из полу глухих пожилых соседей услышать всё равно не мог. Тут Борька почему-то сразу ринулся в сарай. Неизвестно, что он хотел там найти у бедной старой одинокой женщины. Но на всякий случай он всё же хотел заглянуть вовнутрь.

На такие ночные похождения Борис всегда брал с собой фонарик. Старенький, сколотый во многих местах, маленький фонарик легко помещался в кармане его грязных трико с вытянутыми коленками. Борька зашёл в сарай, прикрыв за собой дверь. Он включил фонарик и обвёл им вокруг. Было ясно, что ничего ценного здесь нет и быть не могло. Лишь обветшалые дощатые стены, густая паутина во всех углах с насмерть запутанными в них многочисленными насекомыми, лежащий по краям сарая всякий ненужный хлам. Вдруг Борис испугался.

– Ах, ты ж, сатана окаянная! – выругался он и отшатнулся в сторону, чуть было не разлив стоящее около дверей ведро с водой, откуда пила кошка. В темноте, в глубине сарая, куда был направлен свет от фонарика, Борису причудился чёрт со светящимися глазами, который ещё и двигался, и издавал странные, как ему казалось, угрожающие звуки. Борьке давно стали являться во снах демоны, чудиться в тёмных углах привидения, черти и всякая иная нечисть. И это происходило всё чаще и чаще. Видимо самогон, который варила Андрияна Тимофеевна, был совсем плохого качества. В целях самоэкономии та клала в своё варево всё, что попадалось под руку: даже старые просроченные, уже пожелтевшие таблетки, навоз из коровника, сухостой со двора, гнилые фрукты из сада и подпорченные овощи из огорода, и ещё много всякого,

ненужного в хозяйстве очень даже пригождалось для изготовления этого адского напитка. Вот это и послужило причиной частых видений Бориса, от которых он открещивался как мог, водя рукой по груди, рисуя крест и шепча что-то с выпученными глазами.

Привидевшийся сейчас этому пропойце чёрт двигался в тёмном углу, и вместе с ним двигались его светящиеся глаза. А рядом с демоническим существом хаотично двигались другие чертенята и издавали жалобные звуки. Борька испугался ещё сильнее. Он решил, что это черти начинают плодиться. Не долго думая, он, с бешеными глазами и искажённым лицом, не хуже самого демона, ринулся по направлению к чертям и одного за другим принялся их душить, да с такой силой и пышущей злобой, что справился с нечистью за считанные секунды. Борька разжал руки. Черти умерли, и вместе с ними навсегда погасли их устрашающие, горящие во тьме глаза. Но Борису почему-то этого оказалось недостаточно. Всё ещё под действием своего страха, вызванного галлюциногенным самогонным варевом, которое изо дня в день иссушало его мозг, он схватил лежащую на полу какую-то верёвку и обмотал ею маленьких чертенят вместе, туго-натуго. На другой конец верёвки привязал булыжник и, увидев ведро с водой у входа в сарай, то самое, об которое он чуть, было, не споткнулся, бросил булыжник и привязанных чертенят в воду. Камень упал на дно. Он крепко держал на привязи четыре пушистых бездыханных тельца.

Борька, жалкий этот пропойца, не смог в своём паническом страхе разглядеть в темноте кошку и её котят. Горящие в темноте глаза животных показались ему взглядами самих демонов. А голоса мяукающих животных напоминали ему звуки, исходящие из недр ада. А ведь было всё совсем не так, как причудилось этому местному вору – завидев чужака и мелькающий свет, Марфа заволновалась и вскочила, замяукав и потревожив своих спящих котят. Те в свою очередь переполошились от ночных неожиданных движений своей матери, и в суматохе замяукали своими жалобными тонюсенькими голосочками... Один котёнок, беленький, с тёмным пятнышком на боку, в момент неожиданно возникшей возни спокойно спал на старых мешках с остальными своими братьями и сёстрами у самого края пустой ёмкости. И в возникшей смертельной суматохе он нечаянно соскользнул с края мешка и упал на дно этой ёмкости. Именно эта случайность и стала его спасением той ночью, но навсегда разлучила с его кошачьей семьёй.

Борька был уверен, что уничтожил чертей и демонов, и теперь мог спокойно продолжить своё привычное дело. Он положил свой фонарик обратно в карман, взял пустой мешок с пыльной полки, прибитой огромными, давно заржавевшими гвоздями, проскользнул сквозь дверь сарая и направился к курятнику, где на скорую руку напихал курей в мешок. Потом он вошёл в коровник и туго обвязал корове морду, чтобы та не мычала. Взвалив мешок с курами на спину, он вывел корову за ворота. Борька знал, что по пути ему никто не встретится в такое позднее время, ведь не раз он занимался воровством и был уверен во всех своих передвижениях.

Недалеко от бабкиного двора через несколько домов, в низине, где пересыхающий пруд густо порос камышом, Борька и повёл корову, неся за спиной мешок с курами. Рядом с прудом рос негустой лесок из сорных деревьев, около которого и проходила деревенская пыльная дорога. Борьку уже ждали спекулянты. Два брата двоюродных из города занимались скупкой сырья по дешёвке. Они кое-как затолкали корову в кузов своего грузовика, положили туда же мешок с курами, дали Борьке тысячу рублей и уехали.

Борька в этот раз хотел осмелиться и попросить больше, но братья даже не дали сказать ему ни слова. Они заметили, как выражение лица Бориса поменялось, когда они всучили ему тысячу – какое оно стало жалобное и просящее хоть немножечко больше. Поэтому они сразу пресекли его готовящиеся к высказыванию просьбы выражениями своих лиц – надменными и равнодушными. Братья даже и не думали платить больше. Борька лишь вопросительно, взглядом, полным безысходности и ничтожности, посмотрел вслед уезжающего грузовика, оставляющего за собой клубы вздымающейся вверх пыли. Потом он взглянул на свою тысячу, вздох-

нул, сжал её в грязной ладони и также, украдкой, через жиденькие деревца, сухой камыш и тёмные безлюдные улочки вернулся домой. Он положил купюру под засаленный матрас своей кровати и лёг спать.

Дед Арсений достал котёнка из ёмкости, прижал его к груди, к своей поношенной рубашке и, опираясь на палочку, хотел, было, выйти из сарая. Перед ним лежала баба Люба. Возле неё – полувысохшие котята, привязанные к булыжнику, а на мешках лежала задушенная кошка, очо-ченевшая и бездыханная. Среди этой смерти стоял дряхлый старик, на груди которого почти беззвучно мяукал пушистый котёнок, который тщетно искал своим влажным носом на его поношенной рубашке хоть какое-то присутствие соска своей матери.

– Ну, буде, буде тебе, – сказал дед котёнку и, осторожно шагая, чтобы не задеть бабу Любу, вышел из сарая.

Деду Арсению пришлось идти почти на край деревни, к местному фермеру Валентину Гавриловичу. Только он был в здравом уме и свежей памяти среди всех безнадежно стареющих в этой деревне. Поэтому зачастую старики шли за помощью именно к нему.

Запыхавшись, дед еле доковылял ко двору фермера. Калитка была закрыта, поэтому дед несколько минут посидел рядом на лавочке. Уж больно устал он, пока шёл. Котёнок всё норовил вырваться из рук, и дед выпустил его на землю. Но он даже не попытался убежать, а только от испуга выпучил глаза, жалобно замыкал своим пронзительным тоненьким голоском, распушил шерсть и забился под лавку.

– Чего это ты испужался? – спросил дед у котёнка. – Неужто боишься чего? Или со вчерашнего тебе ещё страшно? – но котёнок даже не смотрел на деда Арсения. Он перестал мяу-кать. Казалось, он совсем выбился из сил, к тому же ещё был голоден. Со вчерашней ночи, после смерти кошки-матери он совсем ничего не ел.

Дед, кряхтя и опираясь на свою палочку, встал с лавки и подошёл к калитке. Он пытался разглядеть поверх неё Гаврилыча во дворе.

– Валентин! – крикнул дед. – Валентин Гаврилыч! Это я! Арсений! Ну, где ты там?

Позади послышался звук мотора. На старенькой «Ниве» подъехал Валентин Гаврилович, оставляя за собой клубы дорожной пыли.

– Зачем пожаловал, дед? – спросил фермер, выходя из машины.

– О, Гаврилыч, вот ты где, а я смотрю-смотрю и не вижу тебя во дворе, – ответил дед Арсений.

– Да где же мне прохладиться, дед! Жара вон какая, поливом надо заниматься, да ворон гонять, а не то арбузы с дынями не уродятся. Тогда совсем разорюсь.

– Это хорошо, что тебя застал. Хотел рассказать, что у нас тут твориться-то в деревне.

– Эх, дед. У нас много чего творится в деревне. На все рассказы ушей не хватит. Да и времени у меня нет. Приехал пообедать да за работу опять.

– Да я немного скажу тебе, Гаврилыч. А кому ещё рассказывать как не тебе.

– Дед, может, до вечера потерпят рассказы твои? Люди у меня наёмные на поле сейчас обедают и отдыхают. Если задержусь, то и работа вся встанет. Они ведь без меня не начнут.

– Валентин, да постой ты, – просил дед. – Пять минут, выслушай.

– Эх, дед, что ж с тобой поделаешь, давай свой рассказ, да побыстрей. Не затягивай, – и фермер сел на лавку. И дед, опять же кряхтя, уселся рядом.

– Слышал уж, наверно, про кражи-то в деревне, скот воруют.

– Да, слышал. Частенько уж стали воровать. Я в своём дворе и собак завёл, у каждого забора по будке. И фонари во дворе у меня по ночам горят. Ежели что случится, то собаки почуют, загавкают. И по свету воры не полезут, я думаю.

– Это хорошо ты придумал, Гаврилыч. К тебе, може, и не полезут воры, а вот к пожилым людям лезут.

– Опять шо ли у кого чего украли?

– Да, опять украли. На сей раз у бабы Любавы покрали всё. И корову увели, и курей своровали. Оставили бабку помирать голодной смертью. Вот и не выдержала старая, – вздохнул дед Арсений.

– А ты почём знаешь, что украли? И как это не выдержала? Померла что ль?

– Да с утра слух по деревне пошёл, что у Любы украли животину. Вот я и решил навестить старую, поговорить с нею. У меня у самого свинью мою, Фроську, месяц назад своровали. Так я чуть было сердцем не тронулся. Два дня лежал, да переживал сильно, да давлением мучился. А у неё вон чего! Почти всю животинушку увели. Да чего там! Коровы, куры... Даже кошку с котятками, и то убили! Вот, окаянные!

– Да с чего ты взял-то, дед? Что кошку убили? Она тебе рассказала? Может, у них мор кошачий?

– Да не, Гаврилыч. Правду тебе говорю. Истинную. Зашёл к ней во двор, а она мёртвая лежит. В сарае своём. И кошка мёртвая, и котята привязаны к булыжнику да в ведре потоплены.

– Да ты что, Арсений! Неужто правду говоришь?

– Истинную, Гаврилыч, истинную правду говорю. Баба Люба лежит там, окоченела уж вся. Надо бы похоронить её по-человечьи. Не как же скотину её оставлять-то, крысам на съеденье.

Валентин Гаврилович нахмурился.

– Непорядок творится у нас в деревне, ой беспорядок. И как вора-то вычислить? А вычислив, руки-то поотрубать надо. А с бабой Любой надо что-то делать. Нехорошо старую так оставлять.

– Да уж, плохо. И никому дела до неё нет. Если бы я не пришёл к ней, так и лежала бы она там одна, грызунам на съеденье.

– Да, дела... – вздохнул фермер. – И дочка-то у неё совсем обнаглела. Слышал, что мать она совсем забыла. Не навещала совсем. Надо бы её вызвать сюда. Чтобы приехала, хоть мать похоронила.

– Да как же её вызвать-то сюда? Она вроде как в городе живёт?

– Есть у меня телефончик её городской. Люба давала пару лет назад. Говорила, мол, на всякий случай, если помру, чтобы я дочке сообщил. Как в воду, старая, глядела. Ладно, дед, иди-ка ты домой, отдохай, жара вон какая полуденная наступила. Я позвоню сейчас дочке её. Пусть едет к матери. Проводит в последний путь, – и Валентин Гаврилович встал с лавки.

– Гаврилыч, а как же Люба. Она же лежит там.

– Сейчас дочке её позвоню, и там видно будет, что с ней делать.

– Может, и котёнка её возьмешь? А? Гаврилыч?

– Какого ещё котёнка?

– Да вот этого, – и дед постучал палкой по скамье.

Валентин Гаврилович чуть наклонился и увидел котёнка, испуганно глядевшего на него из-под лавки.

– Это ещё откуда?

– Бабкин он, Любин, – ответил дед. – Нашёл его в сарае. На дне ёмкости копошился. Видимо, случайно упал туда, вот и избежал потопления.

– Ну, это ты дед даёшь! – засомневался фермер. – Ещё и кота мне не хватало.

– Возьми его, Гаврилыч. Куда его теперь девать? Кошку, мать его убили. Кто его теперь кормить будет? Издохнет да и всё тут. Я не смогу его кормить. Ему молока надо, да еды какой. А у меня у самого хлеба-то иногда не бывает. Сам еле доживаю век свой. И свинью украли. Жаль мою Фроську. Хотел её сдать на мясо. Хоть какую копейку бы выручил. А то совсем уж теперь без денег. Пенсия мала, еле хватает.

– Ох, уж ты Арсений, Арсений, – вздохнул фермер и потянулся за котёнком. Тот от испуга хотел уж, было, бежать, да только не мог он быстро двигаться. С ночи ничего не ел, не

пил, совсем ослаб. Валентин Гаврилович взял в свои большие натруженные руки маленький пушистый комочек.

– Красивый кот выродился. Да больно вялый он какой-то. Не больного ли ты мне подсовываешь?

– Так не кормленный он, Гаврилыч! И жара, вон, какая, пить, наверно, хочет.

– Столько ты мне забот подкинул, Арсений! – воскликнул фермер. – Баба Люба померла, да ещё кот этот, на кой он мне сдался. У меня бахча сохнет, а ты мне тут трупы да котов подсовываешь... Эх, ладно, Арсений. Пойду, позвоню этой Надьке, будь она не ладна.

– Ой, спасибо тебе, Гаврилыч, поди, позвони. Да про бабку не забудь. А то крысы уже по ней, наверно, бегают.

Валентин Гаврилович поморщился от таких слов деда, одной рукой махнул, другой придерживая котёнка, зашёл в калитку. Дед с минуту посидел, потом, опираясь на свою палочку, с трудом встал и пошёл потихоньку к себе домой.

Гаврилыч отнёс котёнка в летнюю кухню, посадил его возле дверей, достал из шкафчика блюдце и налил молока. Потом взял белый хлеб и накрошил его в молоко. Котёнок, ослабший от голода, забыв про страх, подбежал к блюде и начал жадно лакать молоко. А Гаврилыч поспешил в дом, чтобы найти в записной книжке номер телефона Нади, который давно дала ему помершая баба Люба. Он несколько раз пытался набрать номер, но в телефоне были слышны лишь длинные гудки. Так и не дозвонившись, Гаврилыч вернулся в летнюю кухню. Котёнок уже выпил всё молоко и доел размякший хлеб. Гаврилыч наскоро похлебал борща и вернулся на бахчу, чтобы предупредить работников о том, чтобы они продолжили работу сами. И потом сразу же поехал ко двору бабы Любы.

Она всё так же лежала в сарае. Над ней и дохлыми котятами летали мухи. Гаврилыч посмотрел на всё это серьёзным взглядом, вздохнул, развернулся и поехал к своему приятелю Валерке. Валерка, мужичонка лет пятидесяти пяти, проживал со своей женой Варварой. Жили они на кое-какую выручку от домашнего хозяйства.

Вот и в это утро, накормив, напоив с утра скотину, прополов грядки и выполнив другую мелкую домашнюю работу, семейство улеглось на полуденный сон в прохладном предбаннике. Их потревожил стук в дверь.

– Кто там в такую жару? – всполошилась Варвара, услышав стук и привстав с пола.

– Да кто ж его знает, кого принесло, – ответил Валерка и, кряхтя, встал и направился к двери.

– Господь с тобой, Валентин! – воскликнул он недовольно, увидев в дверях Гаврилыча. – Ты чего это не на бахче своей?

– Бабка померла. Опять нужна твоя помощь.

– Какая бабка?

– Люба. Померла ночью. Дед Арсений нашёл её в сарае. Лежит там, уже мухи летают.

– Вот те раз! – удивился Валерка. – А ведь дочка-то у неё есть. Может, дочке сообщить?

– Да звонил я ей, не отвечает, зараза. А бабку одну, гнить там, в сарае – жалко оставлять.

– Слышь, Гаврилыч, как кто помирает, так мы с тобой всех хороним. Может, кроме нас ещё кто позаботиться о померших?

– Кто, Валерка, кто может? Одни старики тут или алкаши проклятые.

– Что случилось, Валентин? – спросила Варвара, выйдя из предбанника и подойдя к мужчинам. – Отдыхаем ведь.

– Бабка Люба померла, – ответил Валерка.

– Да ладно! – удивилась Варвара. – Вот и её черёд пришёл. Одинокая была женщина. И дочка её забыла. Она, наверно, с тоски и от одиночества померла.

– Дед Арсений нашёл её в сарае. Говорит, лежит там с ночи, якобы. И вроде как у неё скотину своровали.

– Опять воровать начали. Да что же это такое! Может, она поэтому и померла, что скотину украли? Заволновалась, и всё тут? Давление, сердце или ещё чего?

– Да кто ж его теперь знает, чего там произошло! – ответил Валерка и вздохнул.

– Ну, давай, Валерка, помогай. Нехорошо так бабку оставлять.

Валерка взглянул на Варвару и начал надевать ботинки.

– Ну что, опять, что ли, за всех будете гробы сколачивать? – недовольно прокомментировала Варвара. – Валера? Ну, сколько можно?

– Хватит уже, не порти настроение своей пилой.

– Порти, не порти, а всех не нахоронишь. Вам двоим, что ль, это нужно?

– Хватит, хватит, – ответил Валерка, занервничав и поспешив выйти из дома.

– Всё тебе хватит да хватит. Ни отдыху, ни продыху в этой деревне, – ворчала вдогонку Варвара, – в гробовщики записались? Всю деревню теперь хоронить будете, если ещё кто помирать будет?

Но Валерка уже не слышал слов своей жены-пенсионерки. На старенькой «Ниве» мужчины ехали к Гаврилычу домой.

Жарко было этим днём, но деваться некуда было этим двум взрослым мужикам. Кому, как не им, надо было выручать из «забытия» очередного пропащего старика, вернее, старушку. Валентин Гаврилович выбрал более менее подходящие по размеру доски, сложенные аккуратно в одном из его сараев, и они с Валеркой принялись эти доски обрабатывать на верстаке, который Гаврилыч сам соорудил около этого сарая.

– Ой, да я же забыл, – вдруг спохватился Валентин. – Пойду ещё раз позвоню, – и он скрылся в доме, бросив доску на землю. Валерка ничего не понял и продолжил свою работу.

Валентин уже в третий раз набирал номер Нади, дочери забытой бабы Любы, но гудки в телефоне всё продолжали и продолжали тянуться. Телефон у него был совсем древний, с крутящимся циферблатом, зато он никогда не ломался, и всегда было хорошо и отчётливо слышно того, кто говорил на другом конце провода. Гаврилыч уж было хотел положить трубку, но там кто-то ответил явно раздражённым тоном:

– Аллю?

– Надя? – спросил резко Валентин.

– Да, кто это?

– Это Валентин. Гаврилович. С твоей матерью земляк. Из деревни мы из одной.

– Ну?

– Чего ну? Померла мать твоя! Давай приезжай и хорони её по-человечески.

В трубке наступила тишина.

– Аллю? Аллю? – громче и громче повторял Валентин. – Надя? Ты слышишь, что я говорю?

– Слышу, – совсем тихо повторила Надя, и в трубке послышались гудки.

Валентин Гаврилович с удивлением посмотрел на трубку телефона, будто хотел в ней увидеть Надю. Он был несколько в недоумении от того, как сейчас она поступила. В его голове это никак не укладывалось.

– Тьфу, ты, зараза, – выругался Гаврилыч, с таким же удивлением положил трубку телефона и вышел из дома.

Валерка на совесть обтесал доски и теперь вымерял их, подгоняя каждую по длине. Длину гроба Валерка уже определил на глаз, не впервой ему было изготавливать такую конструкцию.

– Что за люди? – всё ещё удивлялся Гаврилыч.

– Чего такое? – спросил Валерка, вытирая пот со лба.

– Да дочка-то, бабина. Надька. Говорю ей, что мать померла, а она: «Слышу» и всё тут. Трубку положила.

– Да ну? – удивился Валерка. – Это ж надо такой быть равнодушной к собственной матери. Эх... Жизнь, – вздохнул он и продолжил вымерять доски.

Валентин Гаврилович принялся помогать.

Про котёнка он и вовсе забыл. Маленький комочек, одинокий и напуганный, сидел, съевшись, в летней кухне под деревянным умывальником. Там ему было прохладно, и это место казалось ему более безопасным. Благо, котёнок теперь уж был сыт, и его не мучила жажда.

До самого вечера возились мужики с досками. По такой жаре всё время хотелось пить, поэтому они постоянно заходили в летнюю кухню, черпали прохладную воду из бидона железной кружкой. Своей тяжёлой поступью они пугали котёнка, который сидел под умывальником. Котёнок от каждого их шага ещё больше съёживался, таращил глаза и недоверчиво следил из-под своего убежища за каждым движением пожилых грузных людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.